

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна / Tatyana J. BYSTROVA

Россия, Екатеринбург.

Уральский государственный университет им. А. М. Горького.

Доктор философских наук, профессор.

Научный редактор журнала «Академический вестник УралНИИпроект РААСН».

Russia, Ekaterinburg.

The Ural State University named after A.M. Gorky. PhD in philosophy, professor.

The scientific editor of the magazine «Academic bulletin Ural SRI project RAABS».

taby27@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ: УНИВЕРСИТЕТЫ КИТАЯ

Статья посвящена вопросам культурологического анализа архитектурных решений кампусов современных китайских университетов. Автор ставит вопрос о влиянии длительной духовной традиции на подход к проектированию и интерпретацию архитектурных объектов. Анализируется влияние идей инь-янской школы, эстетики даосизма и конфуцианства на формирование образовательного пространства, а также его культурно-воспитательный потенциал, способствующий формированию этно-культурной и социальной идентичности.

Ключевые слова: *духовная традиция, архитектура, эстетика даосизма, эстетика конфуцианства, образовательное пространство, архитектура университета*

Implementation of cultural identity in the architectural space of education: Universities in China

The object of this article is to analyze the architecture of modern Chinese universities. The author explores the influence of the long spiritual tradition of China on the approach to design and interpretation of architectural objects. The author analyzes the influence of Taoist and Confucian aesthetics on the formation of educational space.

Key words: *spiritual tradition, architecture, Taoist aesthetics, Confucian aesthetics, educational space, university architecture*

Представители проектных профессий довольно часто пугают понятие гуманитариям, что те чересчур «глубоко копают», исследуя архитектурный или дизайнерский объект с целью определения концепции формообразования. Достаточно чисто технических знаний, — как бы говорят они, — и качество родится само собой.

Можно согласиться с ними, если под качеством понимать чистоту конструктивного или функционального решения. Как только речь заходит об образности, стиле, современности, способности воздействия на душу или выражения идеологии, — одних только алгоритмов оказывается недостаточно. Нужен целостный замысел, точнее, сквозная идея, определяющая выбор выразительных средств на всех уровнях создания формы, а также их сочетаемость друг с другом.

Последнее особенно актуально, когда речь идет о масштабных проектах, включающих в себя уже существующие объекты. От того, что архитектурное сообщество сотрясают дискуссии по проблемам отношения к историческому наследию, наши города отнюдь не становятся лучше и краше. Между тем, концептуальное системное проектирование зданий или комплексов разного масштаба существует. Один из наиболее впечатляющих примеров дают кампусы университетов, изначально призванных демонстрировать и связь с прошлым, и устремленность в будущее.

В свете сказанного начальный тезис данной статьи можно сформулировать следующим образом. Наличие у проектировщика осознаваемой философско-мировоззренческой основы обеспечивает не только целостность

архитектурного и градостроительного решения, но и интенсивность воздействия на воспринимающего. Задавая определенные визуальные и поведенческие сценарии, такое решение неспешно и постоянно приобщает человека к культурной традиции, помогая социализации и рефлексии. Проживая объекты как «свои», мы можем не задумываться над их семантикой и направленностью, но чувствовать свое единство или разнородность с ними.

Из незаметно происходящего, но имеющего колоссальное значение во многих жизненных процессах сопоставления себя с окружающим пространством, предметной средой рождается идентичность, без которой нет интеграции человека в культуру. Оно не имеет единых параметров: у каждого оно определяется индивидуальными психосоматическими характеристиками, степенью «открытости» и образованности, готовностью к расшифровке культурных кодов и т. п. Как социально-ориентированному специалисту архитектору важно, чтобы его продукт нивелировал эти отличия, воздействуя по-разному, но донося нечто общее. Например, Олимпийский стадион «Птичье гнездо» в Пекине далеко не всеми расшифруется как воплощение самой современной на тот момент архитектурной мысли (деконструкция, отсылки к экологическим мотивам, визуально-ритмические эффекты, технологии работы с металлом, 3D-моделирование и т. п.). «Рядового» посетителя-экскурсанта, возможно, восхитят масштабы, цвет сидений или возможность потренироваться на арене самому. Тем не менее, такие концепты, причастность к идеям олимпийского движения, трактовка здорового образа жизни как естественного для человека и т. п. будут донесены. Вероятно, чем более общественно и социально-значимо архитектурное решение, тем более высоким уровнем концептуальности оно может и должно обладать.

Если говорить об образовательном пространстве, то в современном мире, как на Западе, так и на Востоке, ему отводится все большее значение. Свое будущее государства связывают с подготовкой специалистов и кадров, готовящих специалистов. Инвестиции в образование регулярны и долгосрочны¹. Его новое и все более достойное место в жизни социума выражает собственным языком архитектура, в том числе китайская.

¹ Признав образование стратегически важным для социально-экономического и политического развития страны, китайское правительство выработало курс развития народного образования, выдвинув лозунг: «В развитии образования — лицом к модернизации, к внешнему миру, к будущему» // Инновации высшего образования современного Китая в аспекте применения их модификаций в высшей школе России. <http://www.mgu-consulting.ru/st/education/innovation.htm>.

Система высшего образования современной КНР во многом выросла из советской, но в последние пятнадцать лет пошла собственным путем. Это значит, что китайский опыт может быть переосмыслен и использован сегодня при создании новых российских университетов, но не буквально, а с необходимыми корректировками и трансформациями.

По ключевым словам «архитектура китайских университетов» и даже «история архитектуры Китая» в русскоязычном Интернете почти нет публикаций. Поэтому в ряде случаев нам придется реконструировать (домысливать) те или иные характеристики, опираясь на близкие, более проработанные темы, как то китайское искусство, сады, принципы градостроительной планировки, отношение к образованию и т. п.

Статья представляет собой первое обобщение знакомства с шестью университетами Китая: — Пекинским (год основания 1898); университетом Циньхуа (Tsinghua University, год основания 1911), также расположенном в Пекине; университетом Сунь Ятсена в Гуанжоу (осн. 1924, переезжает в новый кампус); университетом Цзинань (Jinan) в Гуанчжоу (осн. 1906 г., модернизирует старую территорию); Китайским университетом Гонконга (осн. 1963); университетом Цзяо Тонг (Shanghai Jiao Tong University) в Шанхае (старая часть, осн. 1896, находится внутри города).

Прежде всего, нужно определить моменты существования архитектурного образовательного пространства, не позволяющие оценивать или транслировать китайский опыт «напрямую». Такой соблазн существует, когда профессионал видит грамотное решение и считывает его буквально, функционально. Если отталкиваться от образа (точнее, модели) человека², то, прежде чем комментировать какой-либо элемент архитектурного пространства, необходимо учитывать следующее.

- Разница устройства социума (восточная иерархичность vs русской «общинности»), накладывающая отпечаток на понимание человеком себя, его сценарии поведения;
- Модель человека как точки совпадения индивидуального и социального, общая для большинства китайских учений (момент изначальной деиндивидуализации vs русского персонализма);
- Разницы картины мира (Китай как четко очерченная «серединная страна» и центр мироздания vs Россия, как бы не имеющая границ);
- Отсутствие в современной отечественной культуре определенности национальной идеи и идентичности vs константы в виде конфуцианства как идеологии,

² См. об этом: Афонсенко Е. Особенности этнического самосознания современных китайцев. <http://ri-online.ru/articles/1-04/420.html>.

[Реализация культурной идентичности в архитектурном пространстве образования: университеты Китая]

учения, модели поведения и системы ценностей человека¹;

- Разница количественных показателей (население, территория, плотность расселения, длительность существования цивилизации и т. п.);
- Учет разницы оценки образования и знания².
- Общая и давно укоренившаяся ретроспективность китайской культуры. Некоторые авторы проводят мысль об отсутствии связи с традициями в новых китайских университетах³, с которой невозможно согласиться, если только не считать традицию набором канонических неизменных внешних форм. Прошлое было и остается высшим авторитетом в системе ценностей региона, и поводов для изменения устойчивой ситуации, кажется, нет. Напротив, чем активнее продвигается лозунг о модернизации, тем более актуальной становится тема связи с прошлым и традицией.

Автор отдает себе отчет в том, что компоненты выделены лишь в первом приближении и без какой-либо систематичности. Тем не менее, глобальные социокультурные факторы подобного масштаба лучше учитывать, чем оценивать продукт изолированно от них.

Содержание названных выше пунктов нуждается в дополнительном раскрытии, что не входит в задачи данной статьи. Основные моменты будут прокомментированы ниже. Если же конкретизировать, как именно они сказываются на архитектурных объектах, то мы получим ряд тезисов, демонстрирующих существенное отличие как самого проектного мышления, так и духовно-психологических оснований воздействия его продуктов.

Первое, о чем необходимо говорить, это эстетическая, еще точнее — этико-эстетическая обусловленность любого архитектурного решения, в том числе образовательного пространства. Ценностная детерминанта не просто играет большую роль, но соткана из множества составляющих, появившихся в разное время и сформировавших органичную целостность, зачастую логически вытекающих друг из друга. Находясь внутри нее с момента рождения, человек способен без дополнительной

рефлексии идентифицировать ее феномены как «свои», «близкие», «понятные». Ему не обязательно артикулировать их, тогда как для представителя другой социокультурной среды они нуждаются в расшифровке, сопоставлении с уже известной информацией (в духе «это похоже на ...») и т. п.

Доктрина фэн-шуй как универсальная и общедоступная к пониманию матрица создания формы любого масштаба и маркер причастности к «китайскому»

Как несколько наивно, на первый взгляд, высказывались переводчики: «У нас все по фэн-шуй», «фэн-шуй — это наша жизнь». Впоследствии эти фразы многократно и повсеместно подтверждались — либо заставляли обращать внимание на те объекты или элементы, в которых «все по фэн-шуй». Собственно рассказ сводится к делению той или иной формы на мужское и женское (например, комментарий при посещении Закрытого города в Пекине и Пекинского университета), предотвращению проникновения злых духов (использование зеркал, воды и т. п.), наличию воды в саду и еще несколькими разрозненными деталям. На наш взгляд, это свидетельствует не столько о закрытости говорящего, сколько о бесконечной вариативности доктрины, о которой, с точки зрения носителя традиции, не стоит говорить абстрактно. Неявно предполагается, что те, кто знают фэн-шуй, даже в простейшей его версии, увидят и поймут самостоятельно. Так расшифровка интерьера или парка с упоминанием термина «фэн-шуй» становится одним из путей достижения и демонстрации культурной, в т. ч. образовательной идентичности.

В приведенной трактовке фэн-шуй доминируют не философско-мировоззренческие, а ритуально-мифологические компоненты, показывающие древность доктрины и ее укорененность в общественном сознании носителя китайской культуры. Создаваемая в традициях натурфилософской школы инь-ян, эта практика несет в себе огромное количество переключек с представлениями натурфилософов об устройстве мира как мира природы, включенности человека в общий круговорот, а также возможности достижения гармонии с Землей и Небом как цели человеческой жизни. В силу привычности, укорененности в повседневность, а значит, не критичности усвоения она может называться именно доктриной, а не концепцией или учением.

Знакомство с нею позволяет по-новому интерпретировать, в том числе, современные архитектуру и дизайн. Например, отель в Гуанчжоу, расположенный на достаточно узкой улице, предлагает номера, в которых зеркала размещены по обеим сторонам окна и входа. Для европейца их предназначение вероятнее всего бу-

¹ Ср.: «Суждения Конфуция о человеке и его критерии ценности личности не получили бы такого всеобщего длительного признания в китайской культуре, если бы они не олицетворяли саму традицию. Если бы не народился ее носитель, то и данная традиция утратила бы потенцию воспроизводства» // Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. С., 1993. С. 205.

² См. об этом относительно Китая: <http://china-russia.narod.ru/obrazovanie.htm>

³ См., например: Кузьминов Я., Юдкевич М. Университеты Китая: Уроки Младшего брата // «Ведомости», № 233 (2503), 9 декабря 2009 г., № 238 (2508), 16 декабря 2009 г. <http://www.marstu.net/Default.aspx?tabid=1329&ctl=Details&mid=2554&ItemID=3027&language=ru-RU>

дет связано с возможностью визуального расширения пространства. В рамках традиции они служат «отводу» духов от помещения (аналог русской вышивки на рукавах или воротах).

Попытки американских и европейских авторов технологично разложить фэн-шуй «по полочкам» на уровне популярных учебных пособий, в конечном счете, девальвируют и слово, и все, что с ним связано. Конкретные «рецепты» вытекают из совокупности разнообразных представлений, принципов, осознаваемых и неосознаваемых установок. Поэтому, на мой взгляд, можно определить фэн-шуй именно как достаточно размытую и вместе с тем чрезвычайно устойчивую совокупность мифологическо-философских воззрений, включающих в себя, как минимум, натурфилософские идеи инь-янской школы, даосско-дзэнские представления о бытии. Конфуцианский компонент тоже присутствует в ней — хотя бы потому, что, согласно историкам, именно Конфуций редактировал пять основных философских трактатов древности. Кроме того, он чрезвычайно тактично включал в собственное учение моменты уже существующих, создавая своеобразное «облако» понятий и концептов, синтезирующих в себе наиболее значимые представления.

Более того, в силу синтетичности и популизма в хорошем смысле слова здесь отсутствует жесткая дифференциация смыслов (к примеру, Дао у даосов трактуется как надличностная мировая субстанция, а у Конфуция — в основном, как индивидуальный путь становления); они укрупняются, становятся более «выпуклыми», если хотите, более адаптированными для воплощения в предметных формах.

Уровень знакомства с фэн-шуй у человека, принадлежащего китайской (шире: восточной) культуре, может быть различным. Но именно китайская мысль с давних времен нашла специфический способ трансляции: **образно-метафорический**, лишенный четких определений, требующий соучастия для постижения, доносимый в *образной, словесной, графической* и даже *нумерологической* форме. Это обеспечивает как повсеместность присутствия фэн-шуй, так и широту аудитории «считывания» объекта.

Почти полное отсутствие «достопримечательностей» и цитат из других культур

Термин «достопримечательность», как его употребляет Ч. Дженкс, хотя и не имеет четких дефиниций, имманентно сопрягает архитектурный объект с маркетинговыми и имиджевыми процессами, глобализацией, информационным обществом и т. п. Что касается «цитат», то их наличие стало слишком общим местом

для архитектуры и дизайна периода постмодерна и способом доказательства причастности творца к мейнстриму.

Ни того, ни другого практически не встречается на территории китайских университетов, даже когда речь идет об актуальных, остро-современных сооружениях, выполненных или выполняемых с привлечением западных архитекторов (корпус университета Циньхуа, арх. М. Ботта).

Представляется, что ориентация на «достопримечательности» верна только в случае активного брендинга территории для внешних потребителей. В мегаполисах Китая, в особенности Шанхае и Пекине, построено много крупных — и выдающихся — архитектурных сооружений, поскольку общая «картинка» города необходима в туристических и бизнес-коммуникациях. Университеты Китая, хотя и сотрудничают со студентами и преподавателями других стран, более самодостаточны. Отсутствие «достопримечательностей» как бы подтверждает лишним раз, что их основным ориентиром является именно образование, а не что-то другое. Фактором, имиджево и репутационно «возвышающим» университет, может являться городской контекст — месторасположение, соседство офисов крупнейших компаний мира и т. п.

Отсутствие моды, общая классичность (универсальность) решения

Феномен моды, тем более, его связь с формированием индустрии моды — типично европейское явление последних семи-восьми веков. Для его появления нужна особая модель времени, куда-либо направленного. При понимании времени как круговорота (инь-янская школа) или иллюзии (даосизм) мода как обновление становится бессмыслицей. Все возникает в положенный ему срок, а потом возвращается в Дао. Поэтому «совершенство рождается равновесием», а не подавлением (сменой) одного другим¹. При этом статика отсутствует, форма не застывает, но только варьируется.

Согласно другой версии, высказываемой японоведам Т. П. Григорьевой, «закон двуединства, непротиворечивости сущего (*фун*) позволяет воспринимать

¹ Мировоззрение и мироощущение китайцев существенно отличается от европейского. В этой стране не было последовательного развития и смены художественных направлений и стилей, как в европейском искусстве. Само понятие истории не имеет в Китае признаков «длительности», а искусство — эволюции. Художественные направления не следуют одно за другим, а «стили» и «школы» связываются не с различиями творческих методов, а с техническими приемами и материалами // Китай. Традиционная культура и искусство. <http://arx.novosibdom.ru/node/415>

[Реализация культурной идентичности в архитектурном пространстве образования: университеты Китая]

прошлое и настоящее не в последовательном порядке, когда одно поглощает другое, а в таком, когда одно существует в другом, параллельно и последовательно одновременно». Поясняя идею о существовании «одного в другом», можно прийти к парадоксальному тезису о проявлении элементов настоящего в прошлом — а не только прошлого в настоящем. Это тоже снимает вопрос о дистанции между эпохами и возможности родства всех форм.

Отсутствие типовых форм, воспроизводящихся в нескольких местах (вроде «хрущевок»), позволяющих не-китайцу легко атрибутировать объект по времени

Отсюда сбалансированность элементов традиционного (можно трактовать и как региональное) и нового (интернационального) в большинстве архитектурных форм, не отсылающих к какому-то конкретному периоду с его идеологией, социальным и культурным контекстом и т. п. Отсылка происходит, скорее, к контексту в целом: это китайское, потому что вокруг похожее. Наше восприятие совсем иное: МГУ — сталинский авторитаризм, общаги — безликие восьмидесятые и т. п.

В этих условиях эстетическая форма, выполненная на основе этических канонов, и гармония, рождаемая ею, становятся «проводниками» в пространство образования и науки. В синтетическом процессе можно выделить три ведущих эстетических составляющих — восходящую к натурфилософии инь-янской школы, наиболее авторитетную и устойчивую конфуцианскую, а также не всегда выглядящую самостоятельной даосскую. Рассмотрим их подробнее.

Школа инь-ян, как уже было сказано, фиксирует наиболее древние и устойчивые представления о гармонии и других эстетических ценностях. На первый взгляд они могут показаться простыми, но это далеко не так, ибо способы и варианты применения этого подхода бесконечно разнообразны, от планировки до ландшафтного дизайна и символики.

«Наиболее важными в понятийном аппарате китайской эстетики были нормативные и аксиологические термины. Восходящие к мифическим представлениям, гадательной практике и хозяйственной деятельности, они изначально обладали натурфилософским смыслом и использовались в качестве классификационных матриц эстетических ценностей. Например, двоичная (инь-ян) — два образа: женское и мужское, земное и небесное, темное и светлое, правое и левое; троичная (тянь жэнь ди): небо, человек, земля; пятеричная (у син): пять первоэлементов мироздания, пять звуков (пентатоника), пять основных цветов, пять основных точек в

пространстве (центр и четыре стороны света)»¹. Исходя из этого, гармонично и совершенно то, что определяется подобными матрицами: оценивается не собственно форма, а соответствие им.

Кроме этого, интересна параллель построения формы с анатомией человеческого тела, проводимая в одной из статей² и могущая рассматриваться как достаточно универсальная и за пределами китайской культуры (т. е. способная к разработке в другом пространстве). Автор указывает на то, что человеческое тело понималось как «цельное в своем строении и одновременно многоэлементное». Полярности инь и ян различались применительно к таким «анатомическим» элементам строения каллиграфической пластики, как янские элементы — костяк-гу (структурный остов), жилы-цзинь (натяжение пластических форм); иньские элементы — кровь-сюэ (циркуляция внутри пластических форм) и мышцы-жоу (телесная масса пластических форм). Янские элементы отвечают за тонус пластики точек и черт и их энергетическое опустошение. Иньские элементы обеспечивают расслабление пластики точек и черт и их энергетическое наполнение. Эти пластические элементы в каллиграфии создают «пружину жизни», обеспечивая жизненность образа, служащую главным критерием его оценки. «Принцип анатомичности является основополагающим для каллиграфической эстетики, и он был заявлен в самых первых трактатах сразу как безусловная данность каллиграфической практики», — замечает автор. Видимо, подобные сопряжения существуют и в пространстве архитектуры, но их исследование неоправданно расширило бы рамки статьи.

Для университетского кампуса обязательно деление на **янскую** и **иньскую** части. Согласно канону, первой присущи четкость планировки, доминирование административных элементов, почти полное отсутствие зелени; во второй предполагаются пруд, парк, отдельно стоящие павильоны. Обе части представлены в презентационных материалах всех университетов — буклетах, сайтах, фотографиях, что подчеркивает их равную значимость как элементов университета.

Подобное деление, с одной стороны, воспроизводит структуру императорской резиденции — Запретного города — и тем самым создает **символическую связь** между ним как в том числе духовно-интеллектуальным «центром» и данным местом. С другой стороны, можно

¹ Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Литиздат, 1989.

² Белозерова В. Г. Эстетические принципы каллиграфической традиции Китая. <http://shu-fa.blogspot.com/2009/03/blog-post.html>

видеть здесь два полюса мысли и образования: управленчески-волевой и созерцательный, командный и индивидуальный.

Одно не возможно без другого, начала находятся в круговороте, и именно момент взаимодополнения сводит на нет временную составляющую. Противоречия между старым и новым нет и не может быть, поскольку время не маркировано с позиций причастности к янскому или иньскому. Единство принципов формобразования как бы предзадано: ян выражает себя через свет, ясность, рациональность, активность, вертикали, культуру (тождественную государственности); инь — через природное, мягкое, асимметричное, тенистое и т. п.

Соответственно, янская часть предшествует иньской. На ее стороне (географически это юг) находится центральный вход и основные имиджево-символические элементы. Иньская часть следует за ней, является более потаенной и «нешумной». Даже в современных университетах (например, университет Сунь Ятсена в Гуанчжоу, входящий в систему десяти различных университетов с общим кампусом) эта привязка играет важную планировочную роль.

Кроме сказанного, в каждой части меняются настроение и поведение человека, характер и время его занятий и т. п.

Вместе эти части образуют гармоничное и наполненное целое, своеобразный микрокосмос, с полным правом размещаемый за стеной как его границей. Охрана, наличие ворот и пропускной системы не выглядят инородными общей идее и не сопоставимы, к примеру, с охранниками российских вузов.

Момент отрицания отрицания, входящий в графический знак Тайцзы, Великого Предела, реализуется и в структуре университетского пространства. Так, именно в иньской части Пекинского университета в 1926 году строится деревянная пагода, значительно превосходящая по высоте все остальные сооружения. Стоит ли говорить о том, что вертикаль и дерево — явно янские средства выразительности?..

Итак, можно сказать, что оценку чего-либо телесного или предметного как гармоничного обеспечивает наличие в его форме диалектически-взаимодействующих противоположностей, моменты самоотрицания начал, а также их изоморфность человеку и связь с природой. Как известно, согласно концепции инь-янской школы, именно природа является высшей, верховной силой. На трактовке архитектуры это сказалось очень сильно. Европейское проектирование в основном шло по пути противопоставления урбанизма природе (антропоцентризм), тогда как Китай и Япония выбрали путь единства с нею, в любых

условиях, в том числе в постиндустриальной цивилизации (антропокосмологизм)¹.

Подчеркнем, что создаваемое природой целое всегда постигается именно как **целое, не поддающееся расщеплению** и одновременно имеющее четкую внутреннюю иерархизированную структуру. С этой позиции архитектура может рассматриваться как целостная оболочка либо средство создания атмосферы вокруг целого (человека), способные воздействовать на его состояние. Подобный, холистский, подход практикуется по сей день.

Наряду с выделением оппозиций в «Книге перемен» встречается и такая трактовка: «Удаление от крайностей и владение собой приносит согласие (гармонию)»². Тема гармонии в психологическом и эстетическом плане близка конфуцианской теме меры и представляет собой своеобразный «мостик» между разными направлениями развития мысли. Примеры присутствия положений инь-янской школы на илл.

Конфуцианство, точнее, **конфуцианская эстетика**. Работы, связанные именно с эстетическими аспектами конфуцианства, в русскоязычном Интернете тоже можно сосчитать по пальцам. Приходится проделывать нехитрую операцию — проецировать основные положения конфуцианства на сферу прекрасного. При этом само конфуцианство понимается в данном тексте предельно широко: скорее, как часть ментальности китайцев, нежели как только фиксированное философское учение³.

Гибкость и толерантность конфуцианской эстетики. Конфуцианство, как сказано, трепетно относится к традиции в целом. Эта толерантность создает широкие смысловые поля, обеспечивающие гибкость идеологии. К примеру, конфуцианское представление о несводимости добродетелей человека только к образованности-духовной культуре (вэнь), приобретаемой в процессе обучения, может оправдать появление сада или водоема, на первый взгляд, излишнего с точки зрения прагмати-

¹ См. об этом подробнее: Быстрова Т. Ю. Восточные философии как основа экологичного архитектурного мышления: гармония — целостность — здоровье // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2008. № 1.

² Бегин Ж., Морель Д. За стенами Запретного города. М., 2003. С. 46.

³ Можно согласиться со следующим мнением: «Невычлененность этики из синкретического комплекса норм, охватывающая мораль, обычаи, право, обряды, церемонии, ритуалы и т.п. и ее практическое слияние с ритуалом и с «моральной теорией человеческих действий», помогли конфуцианству, этому вначале чисто философскому учению, постепенно овладеть и религиозными функциями, эффективно используя в своей проповеди не только разум, но и веру» // Поликарпов В. Лекции по культурологии. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Polikar/08.php

[Реализация культурной идентичности в архитектурном пространстве образования: университеты Китая]

ки образования. И именно сад будет важен стороннику дзэн-буддизма или даосизма.

Тожество нравственного и прекрасного в конфуцианской эстетике. Сам Конфуций более чем положительно относился к искусству, был впечатлителен (об этом свидетельствует рассказ об услышанной мелодии, после которой он месяц не чувствовал вкуса еды), считал возможным и необходимым возвышение духа через гармонию. При этом для него важна содержательная наполненность красоты («У людей с красивыми словами и притворными манерами мало человеколюбия» // Конфуций. Лунь-юй. Гл. 1.). То есть красиво только то, что, в конечном счете, нравственно, духовно совершенствует человека. Это определяет основные принципы художественно-эстетической деятельности. Мы обозначаем их как скромность (Е. Афонасенко говорит даже о «настойчивом и агрессивном утверждении скромности», культивируемом конфуцианством), умеренность, простота, дисциплина, организованность, дидактичность, порой доходящая до наивности.

Роль *формы* в конфуцианской эстетике. О форме и отношении к ней необходимо говорить отдельно, т.к. недостаточно диалектичный или отягощенный конъюнктурой интерпретатор способен легко придти к абсолютизации формального начала в мире и жизни человека, совершенно забывая о содержании. Учение дает к этому предпосылки. Говорят, что Конфуций (который живет в V в. до н.э. и стремится донести свои идеи устно) считает форму исполнения чего-либо, например, ритуала, самодостаточным основанием нахождения гармонии. Можно не знать содержания реплики или жеста, но, выполняя их формально правильно, достичь верного состояния: следования традиции, связи с землей и Небом и т. п.

Отсюда в ряде случаев в конфуцианской эстетике форма превалирует над смыслом, точнее, смысл остается скрытым более глубоко, чем внешние качества. Смысл образования, по Конфуцию, состоит в трансформации, преодолении человеческих слабостей, данных природой. Форма, в т. ч. архитектурная, воспитывает, направляет, делая это иногда достаточно жестко. В символическом виде она несет социально-желаемый смысл, расшифровывать который отдельному человеку, может быть, и не обязательно. Зато общество, помещенное среди таких «каркасов», будет существовать согласованно и гармонично.

Еще один аспект формы — ее тяготение к типовому, деиндивидуализированному. Человек постигает Дао — вечное мировое начало, неизбежно отказываясь от индивидуальных проявлений. Социальное начало человека важнее всех других, — считает Конфуций. Здесь возникает еще одна точка пересечения с современностью, ведь масштабы образования в современном Ки-

тае «обрекают» на доминирование общего и общественного над личным и частным. Обезличенные ячейки общежитий, отсутствие скамеек, особенно в «янской» части кампусов, отсутствие киосков, где можно купить бытовые мелочи или сувениры, — не чей-то злой недогляд, а логичное продолжение указанной темы.

С этим же связано наличие обширных ритуализованных пространств, от площадей до читальных залов библиотеки. Как инструмент социализации и воспитания, ритуал до сегодняшнего дня имеет важное значение, особенно на Востоке. Для проведения ритуала — от утренней гимнастики цигун до собрания выпускников университета — требуются специализированные места, маркированные памятниками, статуями, лозунгами или высказываниями и т. п.

Этноцентризм конфуцианства. Приведем еще одно мнение. «Базовыми для китайской культуры являются основополагающие принципы конфуцианской морали. Это основа мировоззрения, мироощущения и культурного позиционирования не только древних, но и современных китайцев. Конфуцианские образы „Середины“, „Центра“ определяют положение китайцев (как народа, так и отдельных индивидов) по отношению к другим странам и народам. Отсюда высокомерное и снисходительное обращение представителей китайского народа с другими этносами. Отсюда и негативное восприятие в Европе и России идеи „мирного возвышения Китая“, обоснованной китайцами в конце 2003 года в противовес распространенной в мире идее о „китайской угрозе“»¹, — пишет О. А. Нестерова.

Замкнутость на себя, этноцентризм, проистекающий из конфуцианской морали, должны быть осознаны и сглажены (компенсированы), если университет позиционирует себя как современный, т. е. как входящий в мировое интеллектуальное сообщество. Эту роль в мировое интеллектуальное сообщество. Эту роль в университете Цзинан в Гуанчжоу играет Стена — объект центральной части кампуса с указанием государств, студенты которых учились или учатся в университете.

Вместе с этим, можно говорить об этноцентризме как более заметной тенденции. Например, общежития студентов-иностранцев часто располагаются совсем в другом месте, нежели у китайцев, о чем туристам.

Даосизм. *Даосская эстетика*, в отличие от конфуцианской, изучена настолько полно, что вряд ли нуждается в дополнительных исследованиях². Текучесть, непосто-

¹ Нестерова О. А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия. http://dibase.ru/article/15032010_nesterovaoa/4.

² См.: Бежин Л. Е. Под знаком ветра и потока. Образ жизни художника в Китае. М., 1970; Виноградова Н. А. Китайская пейзажная живопись. М., 1972; Древнекитайская философия. Собрание текстов. Т. 1-2. М., 1972-1973; Дюмулен Г. История

яньство формы, мерцание, эстетизация самого художественного процесса — вот, пожалуй, наиболее явно прослеживающиеся моменты ее реализации. В городской культуре современного Китая, особенно столичном Пекине, даосская эстетика присутствует в основном в скрытом виде, в силу ее несовпадения с государственными регламентациями.

Идея слияния человека с Дао, растворения в природе, схожая с той, что проговаривается школой инь-ян, диктуется и климатическими условиями. Размыwanie границ внешнего и внутреннего, выход интерьера в экстерьер (галереи, внутренние дворы) — приемы, можно сказать, модные в современной мировой архитектуре, — здесь используются не только по практическим соображениям, но обусловлены мировоззренчески.

Заметим, что эти идеи могут осмыслиться и перерабатываться отечественными архитекторами, поскольку собственных «зеленых» концептов, наделенных устойчивым смыслом, у нас практически нет. Порой это приводит к редукции экологического образа мысли и образа жизни до набора клининговых мер.

В камерных пространствах она ощутимо заметна и составляет неотъемлемую часть ландшафта.

В отдельных элементах предметной среды даосизм может давать о себе знать раздвижными (а не стационарными) перегородками, оградами, ширмами. Будучи выполненными из современных материалов, они тем не менее отсылают китайца к хорошо известным повседневным вещам, без которых он не мыслит интерьера. Их аналогом в саду выступают зеленые «стены» кустов и деревьев, образующие разнообразные композиции, меняющиеся по мере движения человека.

С временной точки зрения именно даосизм предполагает создание открытых для дальнейшего развития объектов, растущих по мере изменения задач университета. В университете

В прагматическом и психологическом плане обращение к даосизму оправдано тем, что именно в этой эстетике ценится глубина погружения в состояние — например, в состояние получения знаний, размышления, обучения и т. п. В отличие от современных российских вузов, с их высокой степенью занятости студентов внеучебными делами, университеты мира имеют жесткий график и четкие требования к уровню образования. Для того чтобы это не воспринималось как нечто внешнее и насильственное, необходимо создание среды, способной в любой момент подтвердить причастность образовательным процессам. Беседки, павильоны, ино-

дзен-буддизма. М., 2003; Завадская Е. В. Эстетические проблемы китайской живописи. М., 1975; Померанцев Л. Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве. М., 1979; Роули Дж. Принципы китайской живописи. М., 1989.

гда — холлы, библиотечный интерьер, дорожки в парке создают особый континуум. Правда, нужно сказать, что таких мест не всегда достаточно, порой студенты сидят в пустых аудиториях и залах.

Можно с уверенностью говорить о том, что при проектировании архитекторы учитывают и сезонную разницу ландшафта, деревьев, неба, камней, ведь, согласно даосской эстетике, именно любование переменами доставляет наибольшее наслаждение. Это сближает их решения с теми, что предлагают современные арт-практики, отдающие приоритет разнообразию эмоций и состояний переживаемых эстетическим субъектом.

Известно, что Дао как Путь отличается от частного дао отдельной вещи или человека. Частному надлежит реализоваться и, в конце концов, прийти к слиянию с мировым субстанциальным началом. Одновременно в нем присутствует весь мир, все бытие. Поэтому даосско-дзэнская традиция больше, чем какая-либо иная, приучает человека видеть в малом большое, в отдельном — глобальное, что увеличивает ценность деталей. Т. П. Григорьева говорит в этой связи о разнице восприятия иероглифа и буквы: «...каждый иероглиф — самостоятельный образ, не теряет смысла, если его вычленишь из фразы, в отличие от горизонтальных строк линейной, алфавитной письменности, где буква сама по себе ничего не значит. Каждый иероглиф по-своему служит общей задаче. Буквы же значат что-то, лишь когда связаны между собой, зависимы от рядом стоящих. В одном случае письменность отражает привычку к горизонтальному, линейному зрению, в другом — к восприятию каждой малости как самостоятельной сущности»¹.

Административный корпус университета Сунь Ятсена в Гуанчжоу, по словам сопровождающих, выполнен в виде иероглифа, обозначающего имя этого политика — прием, наивный либо архаичный для всякой иной традиции, кроме восточной. Восприятие, сформированное под влиянием даосизма, предусматривает возможность адекватного «считывания» архитектурной формы без ее профанации.

Исходя из сказанного, становится понятно, что конфуцианство находится гораздо ближе теме образования в государственных масштабах, чем, к примеру, даосизм, настаивающий на поиске индивидуального пути, слиянии с природой, отшельничестве как предпочтительном варианте поиска знания и истины.

Эстетика, обусловленная этико-политическими и этико-социальными положениями, закономерно приходит к теме единства выразительности и целесообразности. Сходство с античной эстетикой вызвано в большой степени временем появления подобных взглядов: ясно,

¹ Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. Т. 1.

[Реализация культурной идентичности в архитектурном пространстве образования: университеты Китая]

что на ранних этапах развития цивилизации трудно представить появление полностью неутилитарных концепций. Разница с античными эстетическими и художественными положениями гораздо более существенна.

Во-первых, здесь, за исключением разве что конфуцианской ветви, отсутствует гносеологический подход к эстетическим феноменам, которые мыслятся как проявления Дао, а не его иллюстрации. Пафос конфуцианства тоже не вполне тождествен античному, надпись на камне или памятник не удваивают действительность, а акцентируют ее.

Во-вторых, модель целостного человека не приводит к разработке целесообразности исключительно как функциональности. Цель — гармония — затрагивает всего человека, не редуцируя его к каким-либо частным проявлениям. Особенно большое значение в оценке целесообразности уделяется воспитательному потенциалу красоты.

В-третьих, как уже сказано, достижение выразительности имеет задачей выявление, усиление природного компонента, а не противопоставление ему. Колоссальную роль в этом процессе играет работа с ритмом, фактурой, светом.

Итак, согласно китайской традиции, синтетично объединяющей воззрения разных школ, учебе необхо-

димо посвящать всего себя без остатка. Поэтому образовательное пространство в кампусах китайских университетов:

- семиотически и символически насыщено, включает в себя отсылки ко всему духовному наследию, разным этапам развития китайской мысли, идеалу человека и т. п.,
- несмотря на активное нарастание международных связей в нем преобладают этнические, а не интернациональные мотивы,
- пространство образования максимально разнообразно (в силу необходимости овладения разными знаниями) и гибко (в силу роста университетов),
- в определенной степени де-иерархизировано, т.к. перед знанием все равны,
- вместе с тем назидательно и воспитательно,
- иллюстрирует тезис о значимости образования в современном мире, демонстрирует статусность образования — без ненужного декоративизма и «имиджевости».

Это в значительной степени соответствует курсу КНР на превращение образования в приоритетную отрасль народного хозяйства и дальнейший рост числа образованных людей, сохраняющих культурную самобытность в открытом и динамичном мире.